

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-159-169
УДК 821.161.1.09

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ГЕРОИНЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Елена Полтавец

GENDER STEREOTYPES IN THE READING AND RESEARCH RECEPTION OF LEO TOLSTOY'S HEROINES

Elena Poltavets

The article is devoted to the problem of stereotypes in the perception of Leo Tolstoy's gender views. Unlike N. Nekrasov, I. Turgenev and I. Goncharov, Leo Tolstoy was not perceived by his contemporaries and is not perceived today as a writer who glorified the Russian woman. Researchers prefer to discuss only the family theme in the writer's work, his skill of a psychologist, the creator of female images. Traditional approaches to the consideration of female images in the works of Leo Tolstoy are limited to the conclusions that the ideal heroine of Leo Tolstoy is "a faithful wife and a virtuous mother", that the writer's gender views do not go beyond Tolstoy's approval of Anton Chekhov's story "Dushechka", which, as we know, Tolstoy interpreted in a very peculiar way. The main Tolstoy's ideal was always assigned to Natasha Rostova, the heroine of "War and Peace", which led and leads to a distortion not only of "a folk thought", but also of "a family thought". The article suggests some correction of the established views on Tolstoy's heroines. We consider the reasons why Leo Tolstoy's contemporary critics practically failed to notice the image of Princess Mary in "War and Peace", and also suggest reading the theme "hero and people" in terms of female images in the work. The article proposes a new look at the paradoxical "Epilogue" of "War and Peace", in which the "family thought" extends to the image of a peculiar Lysogorsky world-community. We consider Tolstoy's paradoxical approach to the portrayal of the "femme fatale" in the light of his rejection of romantic and other literary cliches.

Keywords: gender views, stereotypes, Leo Tolstoy, "War and Peace", epilogue, "hero and people", "femme fatale".

Статья посвящена проблеме стереотипов в восприятии гендерных воззрений Л. Н. Толстого. В отличие от Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстой не воспринимался современниками и не воспринимается в наши дни как писатель, прославивший русскую женщину. Исследователи предпочитают говорить лишь о теме семьи в творчестве писателя, о мастерстве Л. Н. Толстого-психолога, создателя женских образов. Традиционные подходы к рассмотрению женских образов в творчестве Л. Н. Толстого ограничиваются выводами о том, что идеальная героиня Л. Н. Толстого – «верная супруга и добродетельная мать» и что гендерные воззрения писателя не выходят за рамки толстовского одобрения чеховского рассказа «Душечка», весьма своеобразно, как известно, Л. Н. Толстым интерпретированного. Главным толстовским идеалом всегда назначалась героиня «Войны и мира» Наташа Ростова, что приводило и приводит к искажению не только «мысли народной», но и «мысли семейной». В статье предлагается некоторая корректировка устоявшихся взглядов на героиню Л. Н. Толстого. Рассматриваются причины, по которым современная Л. Н. Толстому критика почти не заметила образ княжны Марьи в «Войне и мире», а также предлагается прочтение темы «герой и народ» в аспекте женских образов произведения. Предлагается новый взгляд на парадоксальный «Эпилог» «Войны и мира», в котором «мысль семейная» распространяется на изображение своеобразного лысогорского мира-общины. Рассматривается вопрос о парадоксальном подходе Л. Н. Толстого к изображению «роковой женщины» в свете неприятия им романтических и других литературных клише.

Ключевые слова: гендерные взгляды, стереотипы, Л. Н. Толстой, «Война и мир», эпилог, «герой и народ», «роковая женщина».

Репутацию мизогина Л. Н. Толстой заслужил уже среди первых критиков «Войны и мира». Впоследствии читающая публика узнала об ув-

лечении Толстого А. Шопенгауэром, познакомилась с «Анной Карениной», «Крейцеровой сонатой» и «Властью тьмы», которые были воспри-

няты как подтверждение толстовского женоненавистничества.

И. С. Тургеневу принадлежат разноречивые оценки «Войны и мира», но о женских образах он отзывался с неизменной решительностью: «И что это за барышни! Все какие-то золотушные кривляки. Нет, эдак нельзя; эдак пропадешь, даже с его талантом. Мне это очень больно – и я желал бы обмануться» (письмо И. П. Борисову от 16 (28) марта 1865 года) [Тургенев, т. 6, с. 124].

В этом отзыве отразились впечатления Тургенева от начала романа «Тысяча восемьсот пятый год», текст которого позже был переработан Толстым для отдельного издания «Войны и мира». К моменту отправки письма с нелестным отзывом Тургенев был знаком только с главами I–XXVIII, напечатанными в № 1 «Русского вестника» (вышел 6 февраля 1865 года). В его письме от того же 16 (28) марта к А. А. Трубецкой отзыв о новом произведении Толстого (главах, опубликованных в «Русском вестнике») также неблагоприятный: «Как это скучно и холодно, какая мелкотравчатость, какое полное отсутствие исторического чутья, воображения и даже поэзии (что вообще-то ему не свойственно)» (пер. с франц.) [Там же, с. 216].

Говоря о том, что творчеству Толстого свойственна поэзия, Тургенев имеет в виду прежде всего поэзию женских образов, и этой поэзии он, к своему огорчению, не находит в прочитанных главах.

Что же это за «барышни», названные «золотушными кривляками»? В главах I–XXVIII романа «Тысяча восемьсот пятый год» мы видим в числе «барышень» сорокалетнюю Анну Шерер, Hélène Курагину, Веру Ростову, тринадцатилетнюю Наташу Ростову, пятнадцатилетнюю Соню, трех княжон – племянниц старого графа Безухого, Жюли Ахросимову (дочь Марьи Дмитриевны Ахросимовой) и дочь Марьи Львовны Карагиной (в «Войне и мире» дочь Марьи Дмитриевны среди гостей у Ростовых не показана, а изображению Жюли Карагиной, кокетничающей с Николаем Ростовым, уделено больше внимания). И, конечно, трудно найти на этих страницах поэзию женских образов. С княжной Марьей автор в этой публикации еще не знакомит читателя (в имение Болконских действие романа переносится только в продолжении, опубликованном в № 2, который вышел 18 марта). Впрочем, и в своих дальнейших отзывах, прочитав уже всю «Войну и мир», Тургенев обошел образ Марьи Болконской молчанием, что особенно удивляет на фоне установившейся читательской и исследовательской традиции сравнения образов княжны Марьи

и Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда». Что же касается Наташи Ростовской, то этот образ тринадцатилетней девочки, да еще порой напоминающей в своем поведении чуть ли не пятилетнюю (на страницах первых глав «Тысяча восемьсот пятого года»), совершенно не соответствовал представлению Тургенева о героине романа. Перерабатывая текст для отдельного издания «Войны и мира», Толстой сгладил черты инфантилизма в тринадцатилетней Наташе, сократил некоторые авторские характеристики. И все же Наташа (не только «Тысяча восемьсот пятого года», но и окончательного текста всего романа, включая «Эпилог») не воспринимается Тургеневым как героиня, достойная авторского и читательского сочувствия и восхищения.

К сожалению, процитированные тургеневские отзывы в комментариях к шестому тому писем Тургенева ошибочно названы отзывами «о двух первых частях романа Л. Н. Толстого „Война и мир“, опубликованных в „Русском вестнике“ (1865, № 1, 2) под названием „Тысяча восемьсот пятый год“» (комментарии к письму А. А. Трубецкой) [Там же, с. 301]. На самом деле текст глав, напечатанных в «Русском вестнике», не идентичен тексту отдельного издания «Войны и мира», кроме того, с № 2 журнала Тургенев 16 марта еще не мог быть знаком.

Прочитав в 1868 году четвертый том «Войны и мира» (по шеститомному изданию), Тургенев не изменил своего отношения к отсутствию, как ему казалось, поэзии: «Наташа, однако, выходит что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстым тип (excusez du mot) <...>» (письмо П. В. Анненкову от 13 апреля 1868 года) [Тургенев, т. 8, с. 185]. «Любимый тип» – это все те же «барышни», о которых столь неодобрительно отзывался Тургенев в письме к Борисову. Поэзии в увлечении Наташи Анатодем, действительно, не много. С точки зрения Тургенева, героиня романа должна быть нравственно безупречна (Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова); порвать с семьей, решиться на побег она могла бы лишь ради высокого идеала самоотвержения и только с достойным возлюбленным, чьи идеи она разделяет. Задуманный Наташей побег с Курагиным – это уж очень далеко от идеала тургеневской девушки (Елены Стаховой, Сусанны и других). Как бы восполняя отсутствие поэзии женских образов в произведении Толстого, Тургенев параллельно с дочитыванием «Войны и мира» работает над повестью «Несчастная» (задумана в начале 1868 года, закончена в ноябре). Все симпатии автора на стороне Сусанны и ее благородного возлюбленного, Мишеля Колтовского. «Несчастная» – такая же «зимняя» по-

весть, как «Метель» А. С. Пушкина, и вполне «жоржсандовская» (о чем говорит и изящный реминисцентный фон, связанный с Францией XVIII века, тогда как действие повести Тургенева происходит в России и отнесено к 1830-м годам). У Толстого Соня, Марья Дмитриевна, Пьер (друзья Наташи) противодействуют исполнению замысла Наташи и Анатоля, у Тургенева же ненавистный Сусанне Ратч перехватывает письмо, держит Сусанну в заточении, сын Ратча распространяет клевету (в противоположность Пьеру, пресекающему порочащие Наташу слухи). Метаситуацию побега влюбленных Тургенев разрабатывает в духе верности романтическому бунтарству, как бы противопоставляя ее толстовской ситуации, компенсируя кажущиеся ему опасными, несвободными и славянофильско-патриархальными воззрения Толстого.

Дочитав «Войну и мир» до конца, Тургенев уже всерьез опасается, что Толстой находится под влиянием славянофилов. «Отчего это у него, – жалуется Тургенев И. П. Борису в письме от 15–17 марта 1870 года, – непременно все хорошие женщины не только самки – даже дуры? И почему он старается уверить читателя, что коли женщина умна и развита, то непременно фразерка и лгунья?» [Тургенев, т. 10, с. 156]. Вот тут-то и возникает вопрос, как мог Тургенев не заметить образ княжны Марьи. Если «умной и развитой» Тургенев считает эту героиню Толстого, то не мог же он одновременно назвать ее «фразеркой и лгуньей». «Самкой» Толстой называет Наташу, в «Эпilogе» Безухову. К графине Марье это определение, конечно, неприложимо, но неужели Тургенев не числит эту героиню в ряду «хороших»?

Если бы в системе образов вообще отсутствовал образ Марьи Болконской (в «Эпilogе» Ростовой), логику Тургенева можно было бы понять. В работах А. И. Батюто и других исследователей убедительно доказано, что Наташу Ростову Тургенев даже не в силу идей «женского вопроса» современности, а в силу сюжетно-фабульной и жанровой традиции видел как авантюрно-бездуховный тип героини. Со своей действительной инфантильностью и ограниченностью запросов она совершенно не вписывалась в ряд тургеневских девушек с их «довременной зрелостью» (см.: [Батюто, с. 251–259]), не принадлежала к типу «взыскующих героинь» (см.: [Криволапов]) русской литературы, среди которых не только тургеневские девушки, но и героини Некрасова, Островского, Гончарова, не говоря уж о Вере Павловне и других женских персонажах «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Если Толстой мог восхищаться авантурным сю-

жетом «Авроры Флойд» М. Э. Брэддон и даже сравнивать с героиней Брэддон Татьяну Андреевну Берс, признанный прототип Наташи Ростовой, то для Тургенева такой романский сюжет и такая героиня могли представлять интерес только в отрицательном смысле. Образ же «самки» Наташи Безуховой в «Эпilogе» для Тургенева был эстетически неприемлем. С точки зрения Тургенева, создателя образов тургеневских девушек, Наташа Ростова, конечно, не могла быть героиней, вызывающей симпатию, но возможные параллели между образами княжны Марьи и Лизы Калитиной, да и сам образ княжны Марьи ускользнули от внимания старшего друга Толстого. По-видимому, княжну Марью ему мешает заметить системное представление о центральной героине романа – она должна быть только одна и должна быть в центре любовного сюжета.

Тургеневские отзывы о героинях «Войны и мира» были высказаны в личной переписке и для печати не предназначались, статья же М. К. Цебриковой «Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе „Война и мир“») была задумана как манифест феминизма. Не только Наташа, но и княжна Марья видится Цебриковой как «бесполезное существо, неспособное к разумной жизни» [Цебрикова, с. 141]. Попутно Цебрикова осуждает князя Андрея, находя, что в решении отложить свадьбу с Наташей сказался его эгоизм. Статья была написана в 1868 году, то есть до выхода в свет последних томов «Войны и мира», но позиция Цебриковой совершенно ясна: анализ произведения заменен в духе шестидесятников публицистическим воодушевлением. Даже признавая, что Наташа Ростова – «сила не маленькая» [Там же, с. 142], автор статьи говорит о Наташе: «над нею тяготеют роковые условия женской жизни, и она живет бесплодно» [Там же]. Предпринимается попытка, хотя и слабая, сопоставить княжну Марью и Лизу Калитину, однако результат сопоставления поражает: Цебрикова приписывает тургеневской героине значительно более высокое моральное сознание: «Лиза возмущена неправдами окружающей ее жизни...; в княжне Марье нет ни малейшего сознания неправды, окружающей ее жизнь» [Там же, с. 138]. Если Тургенев смог княжну Марью не заметить, то из статьи Цебриковой следует еще более поразительный вывод: оказывается, можно заметить, но понять в совершенно превратном смысле. А ведь даже разрушитель эстетики, Д. И. Писарев, в своем блистательном анализе «старого барства» (см. одноименную статью) воздержался от рассмотрения женских образов, и никакая «реальная критика» не подвергла жен-

ские образы «Войны и мира» такой деконструкции, какую находим в статье Цебриковой.

М. Горький, как и Цебрикова, видел в героинях Толстого «неразумные и бесполезные существа», но, в отличие от Цебриковой, почти не задававшейся вопросом об отношении к ним автора, сделал решительный вывод об авторской злонамеренности, чем во многом предначертал направление оценки женских образов для последующего отечественного толстоведения. Он писал о Толстом: «К женщине он, на мой взгляд, относится непримиримо враждебно и любит наказывать ее, – если она не Китти и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это – вражда мужчины, который не успел исчерпать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против „унизительных порывов плоти“? Но это – вражда, и – холодная, как в „Анне Карениной“» [Горький, с. 185]. (Примерно так же смотрела на толстовских героинь Анна Ахматова, не простившая Толстому «наказание» Анны Карениной).

Итак, в «Войне и мире» незамеченной снова осталась княжна Марья, в «Анне Карениной» – Долли. Среди современников Толстого один лишь Н. Н. Страхов нашел верные слова для княжны Марьи: «Этот образ достигает почти ангельской чистоты и кротости, и по временам кажется, что его окружает святое сияние» [Страхов, с. 283]. Интересно, что точка зрения Страхова как наиболее авторитетного критика толстовских произведений транслировалась и в отечественных учебниках литературы конца XIX – начала XX века. В пособии В. Ф. Саводника «Очерки по истории русской литературы XIX века» для средних учебных заведений образ княжны Марьи рассматривается первым из всех женских образов «Войны и мира». «Она вся проникнута поэзией христианского самоотвержения и высокой нравственной чистоты» [Саводник, с. 219], – пишет о княжне Марье автор учебника. После разбора образа Марьи Болконской следует не менее объективный анализ образа Наташи. Подчеркивается значение эволюции, нравственного взросления этой героини Толстого. В «Эпиплоге», по мысли Саводника, Толстой показывает «глубину ее чувства и строгое сознание своего долга, которых даже трудно было предполагать в легкомысленной, увлекающейся и самолюбивой двушкѣ, какою она изображена в первых частях романа» [Там же, с. 224].

А вот для эпохи оптимизма и социалистического реализма подходящей героиней оказалось лишь «существо ограниченное», Наташа Ростова. В школах полагалось раскрывать тему патриотизма на примере образа Наташи, добавляя

«мысль народную». Но, как ни велик соблазн выискивать в образе Наташи Ростовой «мысль народную», кроме «русских приемов» пляски и известного русского веселья от быстрой езды, найти нечего. Упоение охотой – прерогатива именно помещиков, а спасение раненых вместо спасения фарфора и гардероба (особенно на фоне того, что Петя Ростов отдал жизнь!) никакого отношения к усилению «мысли народной» и повышению градуса патриотизма не имеет. Мужики жгут сено, чтобы его не захватили французы, Пьер Безухов жертвует деньги на ополчение, князь Андрей распоряжается отдавать урожай в армию. Почему Толстой сообщает об этом мимоходом, а отъезду Ростовых из Москвы посвящает несколько страниц? Во все не потому, что отказ Ростовых от ковров и платьев есть в глазах автора высочайший подвиг, а потому, что в этом эпизоде показано, что Наташа наконец научилась думать не только о себе, что в ней просыпается чувство долга хотя бы перед близкими людьми и окружающими.

В работе В. В. Ермилова («Толстой-художник и роман „Война и мир“», 1961), написанной с определенным публицистическим блеском и морализаторским нажимом, Наташа Ростова объявлялась лучшей, любимой и идеальной героиней Толстого, изображалась сознательной декабристкой и вообще борцом за счастье трудящихся. Понятно, что другие героини Толстого в силу своей плохой репутации (Анна Каренина и Катюша Маслова) или в силу своих чуждых соцреализму особенностей мировоззрения – религиозности и фатализма (княжна Марья) – не могли претендовать на роль любимой героини. При этом в целом гендерные воззрения Толстого признавались ошибочными, патриархальными, чуть ли не домостроевскими.

Взгляд В. В. Ермилова в той или иной степени повлиял на другие исследования о «Войне и мире» (одна из самых популярных среди учителей и школьников работ, книга С. Г. Бочарова о «Войне и мире» в смягченном виде повторяет интерпретацию Ермилова), а тем более на всю школьно-вузовскую методическую литературу. Наташа Ростова получила статус непогрешимой героини, не виноватой в измене (с этой точки зрения виноваты все Болконские, Элен, Анатолий, но только не Наташа), стала считаться самой патриотической, самой одаренной, олицетворяющей «живую жизнь» и т. д. О Наташиной постыдной попытке суицида упоминать было и во все не принято. Конечно, ее не поместили, как «тургеневских девушек», в ряд наиболее передовых героинь гендерной проблематики, но простили за неприглядный внешний вид в «Эпипло-

ге» и стали внушать школьникам и особенно школьницам, что Наташа – идеал Толстого. Для сомневающихся в том, что именно ограниченная Наташа – непогрешимый идеал, пришлось придумать объяснение, что «Толстой является... носителем традиционных философских представлений о женщине как существе ущербном и недостаточном» [Строганова, с. 235]. Изображение Наташи Безуховой в «Эпилоге» объявляется следствием неправильного взгляда Толстого на женщину как существо ущербное. Поэтому, пожурив Толстого за неправильные гендерные воззрения, исследователи все же восхваляют Наташу, полагая, что надо как-то реабилитировать Толстого и загладить его вину за неправильные воззрения. «Войне и миру» как национальной эпопее нельзя, понятно, без «положительного женского образа».

Такое упрощение толстовской аксиологии, а также системы образов не так уж безобидно, как кажется. Желая во что бы то ни стало оправдать Наташу, исследователи и методисты подменяют понятия. Измена Наташи, ее решение бежать из дома с Анатолом Курагиным рассматриваются как утверждение автором «Войны и мира» крепкощности личности и торжества непредсказуемой «живой жизни» над всяческими умственными построениями. На одном конце иерархии, якобы выстроенной Толстым, расчеты, планы и диспозиции Наполеона и Пфуля, на другом – свобода, бескорыстие и душевные порывы. Так, с большей или меньшей степенью витиеватости, опираясь на собственное понимание знаменитого выражения Толстого об «узле всего романа» как относящегося исключительно к сюжетной линии Наташи, литературоведы порой пытаются возвысить эпизод Наташи с Курагиным до главной философской темы произведения. Неудивительно, что именно думающего читателя отталкивает такая сверхидеальная Наташа (вспомним рассказ Тэффи «Мой первый Толстой»).

Печально, что большей частью в школьном изучении «Войны и мира» (и в концепциях исследователей) игнорируется история нравственного взросления Наташи. О Пьере Безухове и Андрее Болконском принято рассуждать как о героях взлетов и кризисов, а об эволюции Наташи (ибо какая может быть эволюция у идеала?) почти не говорится. На этом фоне выделяется работа И. В. Холодякова, концептуально, хотя и бегло очерчивающая смысл сюжетной линии Наташи Ростовой как истории преодоления инфантилизма и эгоизма [Холодяков]. С учетом этого, добавим, что не так уж неправ отец князя Андрея, потребовавший отложить свадьбу.

Но как же все-таки быть с Наташей Ростовой, разочаровывающей в «Эпилоге» тех читателей, которые слишком поспешили очароваться? «Эпилог» «Войны и мира» вообще парадоксален. Разочарование же может наступить только после очарования. Самым главным борцом с очарованием Наташи Ростовой следует признать русского философа И. А. Ильина, противопоставившего «самке» Наташе... Соню, которой он приписал «духовно ясный, сильный, самоотверженный характер» [Ильин И. А.]. Остается удивляться, что княжну Марью Ильин, как и Тургенев, не заметил, сказав о ней только два слова: «благочестивая и чистая» [Там же]. О Наташе он пишет: «У Толстого пристрастие к инстинктивно-примитивной, недуховной Наташе, он с любовью описывает ее, превозносит ее женские прелести, втягивается, как в омут, в ее жалкий эротический роман с Анатолом Курагиным, когда она ведет себя настолько мерзко и по-животному, что почти впадает в бред. В то время, как подлинно русскую женщину, с ее чистой совестью, с ее постоянством и верностью, с ее целомудрием радостного самопожертвования следует искать и обнаружить не в Наташе, а в оставшейся в тени Соне. По-настоящему созерцающего читателя не может не возмущать, как погрязшая в бездуховности, примитивно-сексуальная самка Наташа в слепоте и глупости своей называет духовно незаурядную и твердую характером Соню „пустоцветом“» [Там же].

Есть ли у Толстого героиня, которая действительно воплощает нравственный идеал и показана стоящей нравственно выше не только своего избранника, но, возможно, и всех мужских персонажей? Мизогин и признанный (большей частью на основе внехудожественных текстов и высказываний, что некорректно как аргумент в эстетическом исследовании) нигилист в отношении женского ума и сердца, Толстой создал образ идеальной женщины. Это княжна Марья с ее девизом:

«Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему» [Толстой, т. 4, с. 279].

Литературно-критическая мысль XIX века определила для подхода в «Войне и миру» преимущественно исторический аспект (и во многом – военно-исторический). В советскую эпоху главной в «Войне и мире» была объявлена «мысль народная». Коллективизм, оптимизм и близость к народу без особого умствования – все это очень удобно было приписывать Наташе. Ка-

залось бы, именно в работах, посвященных теме «герой Толстого и народ», открывалась возможность в связи с женскими образами поставить вопрос о взаимоотношениях княжны Марьи со странниками, об изображении этой героини в эпизоде богучаровского бунта, о подробностях в обрисовке семейного и усадебного уклада Лысых Гор в «Эпilogue». Но эти аспекты почему-то старательно обходятся исследователями. Так, в одной из монографий по теме приводятся обширные цитаты из черновых зарисовок Толстого о купании Наташи Ростовой с дворовыми девушками. Привлечение внетекстовых материалов – прием некорректный, однако часто используемый. При этом обращаются к такому приему, как правило, не с целью проследить эволюцию замысла (единственная несомненная цель обращения к первоначальным редакциям), а ради того, чтобы найти аргументы для своей точки зрения. Например, если в окончательном тексте нет намеков на размышления Наташи о жизни в деревне, а исследователю непременно хочется приписать героине демократизм и «анализ социальных вопросов», то достигается это цитированием фрагментов, не вошедших в окончательный текст. Таким образом происходит смещение акцентов в нужную для предвзятой концепции сторону.

А вот образ княжны Марьи с точки зрения темы «герой и народ» почти никогда не рассматривался. Если исследователи и касались позиции графини Марьи относительно спора Пьера Безухова и Николая Ростова в «Эпilogue», то лишь для того, чтобы обнаружить в ее словах эгоизм, уклонение от «общественного долга» [Сушков, 286] и даже «извращение христианства» [Там же]. Удивительно, но «наташецентризм» восприятия не только женских образов «Войны и мира», но и всей системы персонажей не давал исследователям заметить, что этико-философская проблематика «Войны и мира» связана именно с княжной Марьей гораздо более прямым образом, чем с Наташей. Старинные приемы эпистолярного романа и отсвет писем М. А. Волковой, лежащий на переписке княжны Марьи с Жюли, не должны вводить нас в заблуждение относительно автопсихологизма образа. Например, не только слова Волковой о тяжелых впечатлениях от «набора ратников» [Дней прошлых гордые следы, с. 89], когда «бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят, так что многие помещики уехали из деревень, чтобы не быть свидетелями сцен, раздирающих душу» [Там же], послужили основой для таких слов в письме княжны Марьи:

«Делая мою обычную прогулку по улице деревни, я видела раздирающую душу сцену. Это была партия рекрут, набранных у нас и посылаемых в армию. Надо было видеть состояние, в котором находились матери, жены и дети тех, которые уходили, и слышать рыдания тех и других!» [Толстой, т. 4, с. 122].

Слова «обычная прогулка по улице деревни» написаны той же рукой, которая написала «Утро помещика». Уже первые эпизоды, где появляется княжна Марья, содержат мотив взаимоотношений помещика и крестьянина, и эта проблематика, которую современная Толстому критика так ревностно выискивала в его произведениях, передоверяется автором не одному из главных героев «Войны и мира», а одной из главных героинь, княжне Марье. И далее княжна Марья показана в общении с народом более всех других героев и героинь. Именно ей приходится нелегко в ситуации богучаровского бунта, и ситуация эта как элемент сюжета семантически нагружается уже не только в качестве реплики в дискуссиях шестидесятников и их оппонентов о крестьянском вопросе. Эта ситуация восходит к модели, реализованной в жизни Франциска Ассизского, и вообще проецируется на евангельскую историю о богатом юноше, которому Иисус сказал: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною» (Мф.: 19. 21).

Когда княжна Марья говорит крестьянам: «Все, что мое, то ваше» [Толстой, т. 6, с. 161], она следует Христу и делает то, что было мечтой Толстого вплоть до его отказа от авторских прав. Другая заветная мысль – уход от привычного образа жизни, разрыв со своим окружением ради того, чтобы встать на путь молитвенников за человечество. Об этом мечтает княжна Марья, и, если не считать Альберта из одноименного рассказа или Оленина из «Казачков» («уход» его к казакам не был последователен, а цели и причины были не вполне ясны самому герою), то именно княжна Марья открывает галерею героев ухода в творчестве Толстого. И у княжны Марьи, и у самого Толстого это стремление к уходу не в монастырь (с чего, например, начинается отец Сергей, герой одноименной толстовской повести), а для подвижничества в миру, что и собирался осуществить Толстой, уходя из Ясной Поляны в 82 года.

Эта героиня «Войны и мира» готова к совершению религиозного подвига в следовании Христу. Она собирается «оставить семью, родину, все заботы о мирских благах» [Толстой, т. 5, с. 245]. «Весь ее облик ассоциируется в сознании читателя с Богородицей – идеалом женщины в

христианской религии», – справедливо замечает об этой героине Толстого Э. С. Афанасьев [Афанасьев, с. 9] в относительно недавней работе, но, к сожалению, такие воззрения и в современном толстоведении исключение. Добавим, что именно этой героине Толстого приходится (как придется и самому Толстому) испытать непонимание праведника крестьянским (христианским) миром. Богучаровский бунт закончился для нее все же благополучно, но она была на волосок от повторения судьбы тех святых, которые в ответ на любовь получали мученичество. Религиозно-философские искания князя Андрея и Пьера Безухова (добро и зло, непротivление злу насилем, справедливое общественное устройство, проект вечного мира) – это великие вопросы, но они более общие, а вопросы, стоящие перед княжной Марьей, – более личные, самые жгучие для Толстого. Как быть, когда жаждешь помочь людям, а сталкиваешься с их недоверием? Может ли один праведник противостоять сложившемуся укладу жизни? Как оставить мирские заботы и пуститься странствовать? При этом у княжны Марьи на руках племянник – сирота, которого нельзя оставить. И отец (она знает это) не перенесет разлуки с нею, несмотря на все свое тиранство. Это Наташе, готовой на побег с Анатолем, а позже покушавшейся на самоубийство, ни разу не приходит в голову, что будет с ее нежно любящими родителями.

Когда Толстой задумывал образ княжны Марьи, он, может быть, предчувствовал свой уход и крестный путь. Еще и поэтому в истории княжны Марьи толстовский метасюжет об уходе подсвечивается аллюзией на житие Феодосия Печерского, которому пришлось выдержать тяжелую нравственную борьбу с родной матерью, всячески противостоявшей его уходу в монахи (одну из странниц, с которой мечтала уйти княжна Марья, зовут Федосьюшка).

Эпизод беседы княжны Марьи, князя Андрея и Пьера со странниками ничуть не менее важен для раскрытия темы «народного духа», чем одобрение Анисьюшкой пляски Наташи, как бы принятие Наташи в свои ряды. Пляска Наташи и угощение Ростовых у дядюшки – отсылка к архаическому языческому ритуалу интичиумы (охотничьей пляски и тотемической охотничьей трапезы). Вместе с тем разудалая пляска и песенный контекст («Не хочу кольца носить – хочу так молодца любить») предсказывают роковую ошибку Наташи, как обоснованно заметил С. А. Небольсин: «И вот уже песня „По улицемостовой шла девица за водой“ предупредительно звучит на веселой вечеринке <...>. Все довольны, все смеются. В это время Наташа Росто-

ва уже как раз на роковом пороге, она вот-вот рухнет в пагубный мрак, под воркованья Анатоля Курагина. Помутилось синее море... А какой был конец, после этого, у князя Андрея – одного из лучших толстовских людей?» [Небольсин].

Разговор со странниками в Лысых Горах – инициация Пьера, знакомство с народной жизнью (в эпизод встроены элементы обряда посвящения: переодевание странницы Иванушки, тайный язык – для Пьера непонятно, что значит «божьи люди», а для странников непонятен французский). Посредником (посвящающим) выступает княжна Марья, тогда как в эпизоде посвящения Наташи – Анисья.

Уроки Платона Каратаева, как это явствует из текста «Эпилога», не пошли впрок Пьеру Безухову. Толстой и не собирался из своего главного героя, обреченного на философское сомнение и поиск истины, делать идеал смирения, и, расставшись с Каратаевым, Пьер больше с народом не общается и своими крепостными не интересуется. Да и свои планы тайного общества он вынашивает в Петербурге или в Лысых Горах, где поселяется с семьей. В «Эпилоге» показана «лысогорская семья-коммуна, объединившая в конце произведения семейства Николая Ростова (с сыном Андрея Болконского) и Пьера Безухова» [Недзвецкий, с. 237]. Что же касается Николая Ростова, то ему удалось с помощью жены наладить такие взаимоотношения с крестьянами, что пугачевщина, которой опасается Пьер, кажется ему нелепостью.

Остается вопрос: почему графиня Марья не показана в эпизоде спора Пьера и Николая Ростова, в то время как даже о Наташе сказано, что она поддерживала мужа (и за это Наташе в прошлом веке поспешно приписали готовность к борьбе за интересы трудящихся, а в наши дни – духовность и сознание общественного долга). Но в связи с отсутствием графини Марьи среди спорящих можно напомнить, что и Толстой не торопился придавать «Войне и миру» смысл реплики в споре шестидесятников о будущем страны. В одном из писем княжны Марьи (в отличие от Наташи Ростовской, эта толстовская героиня письма писать умеет, проявляя в них мудрость и такое знание людей, которого, казалось бы, нельзя было ожидать от девушки, живущей вдали от света, почти затворницы) есть фраза, которой она характеризует современность:

«Подумаешь, что человечество забыло законы своего Божественного Спасителя» [Толстой, т. 4, с. 122].

Пьер и Николай спорят о лучшем пути устройства общественной и материальной жизни, тогда как «Царство Божие внутри вас». И ни реформы, на которые надеется Пьер, ни даже коммуна, устроенная Николаем, не есть путь к нравственному совершенствованию. Улучшение мира начинается с улучшения себя. «*Не о едином хлебе сыт будет человек*» – это графиня Марья хотела бы высказать, но, как и Толстой в шестидесятые годы, она знала, что «*этого говорить не нужно и бесполезно*» [Толстой, т. 7, с. 302].

Оба спорщика получают от своих жен напоминание о детях. И, наверное, не так уж трудно сопоставить педагогические заботы Толстого и его героини, графини Марьи, размышляющей о воспитании племянника и собственных детей. Вопрос, может ли воспитание ребенка сообщить ему импульс к самосовершенствованию, – вот еще одна грань проблематики образа графини Марьи, роднящая этот образ с его создателем. Для нее главное в позиции Пьера – это мысль о нравственном неблагополучии человечества («*Пьер говорит, что все страдают, мучатся, развращаются*» [Там же, с. 301]), поэтому тем более важно помнить о детях. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.: 18. 3).

Юсуке Сато, японский исследователь Толстого, предлагает следующую типологию толстовских героинь: «Героини художественных произведений Толстого имеют общие черты: поразительную яркую красоту, выющиеся черные волосы, дикую силу жизни, полное могучее телосложение, полную грудь, огромную любовь, жгучую чувственность, гордость. И Марьяна (в повести „Казачки“), и Наташа Ростова (в эпилоге „Войны и мира“), и Анна Каренина (в романе, названном ее именем), и Катюша Маслова (в „Воскресении“) – все обладают такими особенностями» [Сато, с. 116].

Кроме этого женского типа, исследователь указывает и другой: идеальный образ матери, прототипом которого послужила мать Толстого (мама в «Детстве»), княжна Марья, Долли и Кити). В этой классификации не очень убедительным выглядит упоминание о Кити, которую В. Н. Ильин считал «в потенции крайне развратной» [Ильин В. Н., с. 259], а вот места для Маши, героини романа «Семейное счастье», совсем не находится. В исследовании А. Н. Полосиной Наташа Ростова (Безухова), Долли Облонская и Кити Левина объединяются как добрые матери семейств, но княжна Марья среди них не называется [Полосина].

Скорее всего, типология женских образов в творчестве Толстого должна быть выстроена не с

опорой на портретные и психосоматические детали, а с учетом сюжетной и идейной функции персонажа. Женщины, показанные как «дочери Евы», переживающие искушение, – это Маша в «Семейном счастье», Наташа Ростова, Кити и Анна Каренина. Они могут вовремя опомниться, как Маша, спастись от искушения в силу внешних обстоятельств, как Наташа и Кити, или пройти гибельный путь до конца, как Анна Каренина.

Толстой не выражает ни патриархальных, ни эмансипированных воззрений, он не ограничивает и не освобождает женщину в том смысле, в котором это было актуально для его современников и до сих пор почему-то навязывается школой и околотолстовской публицистикой. На вопрос, считает ли Толстой женщину самкой, ответ можно дать только один: самцом он женщину уж точно не считает. Свои гендерные стереотипы навязывала ему современная «Войне и миру» критика, продолжается это и по сей день, для него же эти категории просто не интересны. Недаром в «Войне и мире» сказано:

«Толки и рассуждения о правах женщин, об отношениях супругов, о свободе и правах их, хотя и не назывались еще, как теперь, вопросами, были тогда точно такие же, как и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она решительно не понимала их» [Толстой, т. 7, с. 280].

Это Толстой и о себе говорит.

Есть в «Войне и мире» и такой мотивно-образный компонент, который можно соотнести с типом «роковой женщины». Иногда указывают в этом смысле на образ Элен Курагиной, с чем вряд ли можно согласиться, так как «роковая женщина» должна обладать хотя бы минимальной духовной незаурядностью (например, княгиня Р. в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»), чего Элен лишена совершенно. «Загадочный взгляд» – наиболее запоминающаяся черта роковой женщины княгини Р. в романе Тургенева. В «Войне и мире» женщина с необыкновенным взглядом – княжна Марья. Она не наделена, как другие героини, ни «*полной грудью*», ни «*черными кудрями*», однако у Толстого именно этот образ женщины смиренной, худой и бледной – это образ роковой женщины, в которую влюбляется лихой гусар, любитель опасной атаки и охоты, отнюдь не враг кутежей и азартных игр. Этот гусар оставляет свою красивую нареченную невесту, плачет, молится, сознавая, что нарушает данное невесте слово, но не может ничего поделать с собой, потому что ему не жить без роковой женщины с лучистым взглядом. Это почти история Павла Петровича и княгини Р., героев турге-

невского романа «Отцы и дети». Преображение Николая Ростова еще разительнее, чем отказ Павла Петровича от блестящей карьеры и светских удовольствий. Получив (в отличие от тургеневского Павла Петровича) эту свою роковую женщину, гусар подчиняет ей весь образ жизни: забрасывает азартные игры и кутежи, забывает гусарские привычки, заботится о крестьянах в своем имении, занимается хозяйством, собирает библиотеку, заботливо воспитывает троих детей, строит церковь.

«Наташцентризм» как в тургеневских оценках, так и в подавляющем большинстве последующих читательских, литературно-критических и исследовательских отзывов сослужил «Войне и миру» плохую службу. Для исследователя, во всяком случае, недопустимо строить представление о гендерных воззрениях автора «Войны и мира» лишь на основе образа «самки» Наташи, не замечая образа княжны Марьи. Да и сюжетная линия гусара Николая Ростова, любителя кутежей и охоты, неожиданно оказавшегося более духовно сложным, чем можно было это предположить, многим кажется слишком парадоксальной. Ростова вполне можно было представить на месте Турбина-старшего из рассказа Толстого «Два гусара», но, как видим, стереотип «лихого гусара» Толстой в «Войне и мире» преобразовал так же, как и стереотип «роковой женщины». В этом сказались неприятие любых, в первую очередь романтических литературных клише, ведь и тургеневских героинь Толстой, как известно, воспринимал в качестве банально романтических и надуманных.

В «Эпилоге», этом весьма парадоксальном финале, Толстой не сосредоточен лишь на Наташе и, стало быть, не проповедует никакой ущербности женщины. Счастливые семьи в «Войне и мире» не похожи, как бы ни развивался этот тезис в противоположном смысле в следующем толстовском романе. В отличие от семьи Пьера и Наташи, в семье Николая и Марьи Ростовых духовный центр – женщина. И это тем более удивительно, что Николай Ростов до женитьбы показан совсем не как такого рода мужчина, который способен увлечься такой женщиной, как княжна Марья. Он даже испытывал неприязнь к Андрею Болконскому за его высшую одухотворенность. Но в сестре князя Андрея именно это он находит необыкновенно привлекательным.

К героям Толстого невозможно подходить с какими бы то ни было стереотипами, в том числе и с гендерными. Вернее сказать, гендерная тема, семейная тема, тема отношений полов – это вообще не главные темы больших романов Толсто-

го, и в гендерных терминах осознать парадоксальный смысл толстовских образов невозможно. Даже «Анна Каренина» с изображением финального суицида главной героини и с мотивом тяги к суициду вполне счастливого главного героя, Левина, – роман о месте человека (как мужчины, так и женщины) в бесчеловечном мире, а не только в семье. Библейский эпиграф об отношении человечества к Богу стоит в романе «Анна Каренина» над зачином о счастливых и несчастных семьях. Так что философско-религиозная проблематика таких образов, как княжна Марья и Анна Каренина, к гендерному вопросу отношение имеет весьма косвенное.

Остается надеяться на то, что стереотипы восприятия не вечны и что Ю. Айхенвальд, писавший в начале прошлого века, что «Толстой – друг и провидец женщины, ее заступник и поэт» [Айхенвальд, с. 235], найдет наконец единомышленников.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
- Афанасьев Э. С.* Реалистический эпос Л. Н. Толстого // Литература в школе. 2010. № 12. С. 5–9.
- Батюто А. И.* Избранные труды. СПб.: Нестор – История, 2004. 960 с.
- Горький М.* О литературе. М.: Советский писатель, 1953. 867 с.
- Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. М.: Минувшее, 2012. 312 с.
- Ильин В. Н.* Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: РХГИ, 2000. 480 с.
- Ильин И. А.* Лев Толстой как истолкователь русской души // Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 6. Кн. 3. 1997. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html#1> (дата обращения: 15.04. 2021).
- Криволапов В. Н.* «Взыскующая» героиня в русской литературе XIX в. (От Гончарова до Чехова) // А. М. Панченко и русская культура. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 251–265.
- Небольсин С. А.* Пушкин и русское целое. URL: <https://www.rospisatel.ru/nebolsin.htm> (дата обращения: 19.12.2020).
- Недзвецкий В. А.* Русский социально-универсальный роман XIX века. М.: Диалог – МГУ, 1997. 264 с.
- Полосина А. Н.* «Необходимая неприятность?» (Гендерные воззрения Льва Толстого) // Лев Николаевич Толстой. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 130–138.
- Саводникъ В. Ф.* Очерки по истории русской литературы XIX вѣка. Часть вторая. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1911. 340 с.

Сато Ю. «Женственность» в творчестве Л. Н. Толстого: ее жизнь и смерть // Яснополянский сборник 2002. Тула: Ясная Поляна, 2003. С. 116–129.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.

Строганова Е. Н. «Она не удостоивает быть умной...» // Женщины. История. Общество. Вып. 2. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2002. С. 229–243.

Сушков Б. Ф. Альтернативы Толстого. Альтернативный Толстой. Тула: Гриф и К, 2011. 336 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 томах. М.: Художественная литература, 1978–1985.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма в 18 томах. М.: Наука, 1982–2018.

Холодяков И. В. «Другая проза»: поиски, обретения, потери // Литература в школе. 2003. № 1. С. 36–41.

Цебрикова М. К. Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе «Война и мир») // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 128–152.

References

Afanas'ev, E. S. (2010). *Realisticheskii epos L. N. Tolstogo* [Realistic Epos by Leo Tolstoy]. *Literatura v shkole*, No. 12, pp. 5–9. (In Russian)

Aihenal'd, Yu. I. (1994). *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian Writers]. 591 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Batiuto, A. I. (2004). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. 960 p. St. Petersburg, Nestor – Istorii. (In Russian)

Dnei proshlykh gordye sledy. Perepiska Marii Apollonovny Volkovoi (2012) [The Days of the Past Are Proud Traces. Correspondence of Maria Apollonovna Volkova]. 312 p. Moscow, Minushee. (In Russian)

Gor'kii, M. (1953). *O literature* [About Literature]. 867 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Holodiakov, I. V. (2003). “*Drugaiia proza*”: *poiski, obreteniia, poteri* [“Other Prose”: Search, Gain, Loss]. *Literatura v shkole*, No. 1, pp. 36–41. (In Russian)

Il'in, I. A. (1997). *Leo Tolstoi kak istolkovatel' russkoi dushi. Sobr. soch. v 10 t. T. 6. Kn. 3.* [Leo Tolstoy as an Interpreter of the Russian Soul. Collected Works in 10 volumes. Volume 6. Book 3]. *Nasledie-iliina*. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html#1> (accessed: 15.04.2021). (In Russian)

Il'in, V. N. (2000). *Mirosozertsanie grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo* [The World-Outlook of Count Leo Tolstoy]. 480 p. St. Petersburg, RHGI. (In Russian)

Krivolapov, V. N. (2008). “*Vzyskuiushchaia*” *geroinia v russkoi literature XIX v. (Ot Goncharova do Chekhova)* [The “Demanding” Heroine in Russian Literature of the Nineteenth Century (From Goncharov to Chekhov)]. A. M. Panchenko i russkaia kul'tura. St. Petersburg, Pushkinskii dom, pp. 251–265. (In Russian)

Nebol'sin, S. A. (2020). *Pushkin i russkoe tseloe* [Pushkin and the Russian Whole]. URL: <https://www.rospisatel.ru/nebolsin.htm> (accessed: 19.12.2020).

Nedzvetskii, V. A. (1997). *Russkii sotsial'no-universal'nyi roman XIX veka.* [Russian Social-Universal Novel of the 19th Century]. 264 p. Moscow, Dialog - MGU. (In Russian)

Polosina, A. N. (2014). “*Neobhodimaia nepriiatnost'?*” (*Gendernye vozzreniia L'va Tolstogo*) [“A Necessary Nuisance?” (Leo Tolstoy's Gender Views)]. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia*, pp. 130–138. (In Russian)

Sato, Iu. (2003). “*Zhenstvennost'*” *v tvorchestve L. N. Tolstogo: ee zhizn' i smert'* [“Femininity” in the Works of Leo Tolstoy: Its Life and Death]. *Iasnopolianski sbornik, 2002. Tula, Iasnaia Poliana*, pp. 116–129. (In Russian)

Savodnik, V. F. (1911). *Ocherki po istorii russkoi literatury XIX veka. Chast' vtoraiia.* [Essays on the History of Russian Literature of the 19th Century. The Second Part]. 340 p. Moscow, Pechatnia S. P. Iakovleva. (In Russian)

Strahov, N. N. (1984). *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. 431 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Stroganova, E. N. (2002). “*Ona ne udostoivaet byt' umnoi...*” [“She Doesn't Deign to Be Smart...”]. *Zhenshchiny. Istorii. Obshchestvo. Issue 2. Tver', Tverskoe obl. knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo*, pp. 229–243. (In Russian)

Sushkov, B. F. (2011). *Al'ternativy Tolstogo. Al'ternativnyi Tolstoy* [Tolstoy's Alternatives. Alternative Tolstoy]. 336 p. Tula, Grif i K. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1978–1985). *Sobranie sochinenii v 22 tomakh.* [Selected Works in 22 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Turgenev, I. S. (1982–2018). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh. Pis'ma v 18 t.* [Complete Works and Letters in 30 Vols. Letters in 18 Vols.]. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tsebrikova, M. K. (1989). *Nashi babushki (Po povodu zhenskikh harakterov v romane “Voina i mir”)* [Our Grandmothers (About Female Characters in the Novel “War and Peace”)]. *Roman L. N. Tolstogo “Voina i mir” v russkoi kritike. Leningrad, izdatel'stvo Leningradskogo universiteta*, pp. 128–152. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021
Поступила в редакцию 15.04.2021

Полтавец Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
nedzvetsky@bk.ru

Poltavets Elena Yuryevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City Teacher Training University,

4, 2 Sel'skokhozyaistvennyi Proyezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
nedzvetsky@bk.ru